

Вэнь Цунцзянь и Лян Шу приехали в клуб стрельбы из лука прямо с поезда. Вэнь Суй уже собрал свои вещи. При встрече супруги выглядели ещё более измождёнными. Лян Шу сильно похудела: её запавшие глаза выделялись на фоне объёмной одежды. Вэнь Цунцзянь тоже выглядел неважно. Всё словно вернулось к началу. Долгая разлука, ощущение отчуждённости... Но для Вэнь Суя что-то было иначе.

Лян Шу вела себя робко, будто хотела приблизиться к сыну, но не решалась. На этот раз она почти не обращала внимания на Си Чжоу. Вэнь Цунцзянь настоял, чтобы угостить Си Чжоу и Чжэн Сюйжана обедом, сказав, что должен как следует их отблагодарить. За столом все мало общались, даже обычно болтливый Чжэн Сюйжань был каким-то подавленным.

— Мне будет не хватать сяо Суя, — пробормотал он.

Вэнь Суй и Си Чжоу одновременно взглянули на Чжэн Сюйжана. Их взгляды встретились в воздухе. Си Чжоу на мгновение замер, затем быстро отвёл глаза. Вэнь Суй не понял от чего тот прячется, но ему стало немного не по себе.

Расставание наступило внезапно. Нет в этом мире пира, что длится вечно. Если ты лишь временный гость, однажды всё равно придётся уйти. Вэнь Суй, сказав: «До свидания», уехал вместе с родителями.

Дома они не задержались. Снова перебрали вещи в чемоданах, заменили одежду и необходимые мелочи — и сразу отправились в аэропорт. Они летели встречать Новый год на южное побережье.

На этот раз Вэнь Суй не забыл книгу, подаренную Си Чжоу. Упаковывая вещи, он увидел банку с кальцием и вспомнил, как утром, убирая вещи, забыл про неё. Си Чжоу принёс кальций и сказал, что купил его специально для Вэнь Суя, а потом вручил ему пустую стеклянную баночку и напомнил:

— Желания — ценная вещь, не трать их попусту. Предыдущее аннулировано. Копи заново. Моё обещание остаётся в силе.

Вечером, готовя ужин, Си Чжоу невольно задумался, что бы приготовить. Что любит Вэнь Суй? Что не любит? Как приготовить нелюбимое так, чтобы понравилось? Как же это делал диетолог в его бывшей команде? Потом он зашёл в комнату, где жил Вэнь Суй. Постельное бельё было снято — утром Вэнь Суй сам его убрал. Парень был очень аккуратным. Он хотел постирать бельё, но Си Чжоу не позволил. Теперь оно, аккуратно сложенное, лежало на краю кровати, занимая совсем немного места. Казалось, кроме этого, ничего не изменилось. Си Чжоу задумался, не накрыть ли кровать белой тканью, как раньше, но потом передумал. «Пусть побудет так несколько дней», — подумал он.

\*\*\*

Три часа в самолёте — и они уже на побережье. Днём они были в городе Фэн, а вечером оказались у моря. Регистрация в отеле, ужин, душ... Вэнь Цунцзянь уложил Лян Шу спать и вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Вэнь Суй заметил, что отец оставил небольшую щель — так можно было видеть, что происходит в комнате. Родители, неожиданно исчезнувшие на два месяца, оставили ребёнка на попечение чужих людей, почти не интересуясь его жизнью... Лишь Вэнь Суй мог принять это со спокойным сердцем и ровным дыханием. Но Вэнь Цунцзянь всё же должен был объясниться.

— Сяо Суй, папа должен извиниться перед тобой. Нам пришлось многое скрывать от тебя. После твоей потери памяти мы с мамой решили воспользоваться ошибкой как возможностью — не рассказывать о плохом, надеясь, что ты и не вспомнишь. — Вэнь Цунцзянь сделал паузу, потёр переносицу сжатыми кулаками, глубоко вздохнул и медленно, с трудом произнёс: — У твоей мамы тяжёлая депрессия.

Депрессия. Вэнь Суй вспомнил тот пузырёк с лекарствами, который нашёл дома. Он даже сфотографировал его и проверил название в приложении. Это было очевидно, но, когда отец подтвердил, что у Лян Шу депрессия, он почувствовал себя странно. Особенно после слов Вэнь Цунцзяня о том, что у неё тяжёлая форма. Раз он так говорит, то, вероятно, ситуация ещё хуже.

— Все эти годы твоя мама держалась на лекарствах. Мы думали, что ей постепенно становится

лучше. Но эти несколько случаев с тобой стали для неё сильнейшим ударом. Особенно последний — в школе. Когда она увидела тебя всего в крови по пути в реанимацию... у неё случился срыв. Я тогда был вне себя от гнева и не заметил, что она почти... — Вэнь Цунцзянь снял очки, его глаза подернулись влагой. Он с силой прижал ладони к векам, голос дрогнул: — Она... она чуть не выбросилась из окна.

Вэнь Суй не ожидал такого. Он невольно посмотрел на дверь, за которой мирно спала женщина. В темноте её лицо казалось слегка синеватым. Из-под тонкого одеяла выбивалась бледная, с костями, выступающими как скалы, почти истощённая рука.

— На самом деле после того, как мы оставили тебя у сяо Си, мы с мамой уволились с работы. Состояние твоей мамы настолько ухудшилось, что она больше не могла жить самостоятельно. Она постоянно думала о самоубийстве и пыталась покончить с собой всеми возможными способами.

Вэнь Цунцзянь закатал рукав рубашки, и Вэнь Суй увидел на его руке множество хаотичных шрамов — следы заживших порезов.

— В самые тяжёлые моменты она даже не узнавала меня. Вернее, узнавала, но не могла себя контролировать. Если кто-то мешал ей покончить с собой, она нападала на этого человека. Мне пришлось поместить её в клинику, где ей помогли успокоиться... медикаментами.

Вэнь Суй, потрясённый, попытался заговорить, но голос едва его слушался:

— А сейчас... ей лучше?

«Если бы ей не стало лучше, они бы не приехали за мной», — с надеждой подумал Вэнь Суй.

Вэнь Цунцзянь кивнул, а затем покачал головой.

— Врачи говорят, что с такой болезнью ничего нельзя предсказать. У мамы слишком тяжёлый случай. Она как бомба замедленного действия — никогда не знаешь, что станет спусковым крючком. На полное выздоровление могут уйти годы. Или... вся жизнь.

Последние слова прозвучали так тяжело, что у Вэнь Суя сжалось сердце.

— Но не всё так плохо, — Вэнь Цунцзянь, казалось, боялся, что Вэнь Суй будет переживать. — В последнее время твоей маме действительно стало лучше. Мы выписались из клиники и уже побывали в нескольких местах. Врачи говорят, что смена обстановки пойдёт ей на пользу. Поэтому я решил, что мы поедem к морю. У неё зимой обостряется фарингит, морской климат должен помочь.

Вэнь Цунцзянь пытался говорить бодро. За два месяца, что они не виделись, он ссутулился, и оправка очков, которая раньше сидела идеально, теперь казалась слишком большой. Он словно постарел на несколько лет. Было видно, через что он прошёл, оставив работу, чтобы ухаживать за женой: одни только шрамы на руках были тому свидетельством.

— Папа, ты так много сделал, — неожиданно для себя произнёс Вэнь Суй.

Вэнь Цунцзянь замер, явно не ожидая таких слов. Отец и сын молча смотрели друг на друга. Наконец, Вэнь Цунцзянь сказал:

— Когда ты встретишь свою любовь и женишься, то поймёшь. Это не тяжкий труд. Это... горечь, но со сладостью. Пока мама жива, у меня есть силы что-то делать.

Вэнь Суй действительно не понимал. Слишком многое было ему неизвестно. Но он определённо стал лучше понимать своих родителей.

Под тяжестью жизненных обстоятельств Вэнь Цунцзянь, глядя на сына, единственного, кому он мог излить душу после долгого молчания, решил переключиться на более лёгкую тему:

— Знаешь, когда я добивался твою маму, мне пришлось пройти через тысячи тягот и трудностей. Когда мы наконец поженились, я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Но потом начались семейные будни — первая половина жизни пролетела незаметно. Я был занят работой, диссертацией, продвижением по службе и всё больше пренебрегал ею. — Вэнь Цунцзянь похлопал Вэнь Суя по плечу. — Наконец-то у папы хватило смелости уйти в отставку. Мне всё-таки почти пятьдесят. Не волнуйся, деньги на твою учёбу и свадьбу я отложил. Моё увольнение никак не отразится на твоём будущем.

— Я... — Вэнь Суй действительно не думал об этом.

Вэнь Цунцзянь понимающе кивнул:

— Папа знает тебя, сяо Суй. Я знаю, что ты об этом даже не задумывался. Я просто хочу сказать, что твоя жизнь — это твоя жизнь. Живи так, как хочешь. Твоя мама — это моя ответственность, а не твоя. Я рассказываю это тебе не для того, чтобы обременять тебя, а чтобы ты знал: если мы с матерью уделяли тебе недостаточно внимания, то не потому, что забывали о тебе. Твоя мать безумно по тебе скучает. Но она знает, что ее любовь слишком одержима. Ей нужно отпустить тебя... и себя. — Вэнь Цунцзянь заставил себя улыбнуться: — Не волнуйся, теперь мы с мамой будем просто путешествовать, отдыхать и наслаждаться жизнью, — он говорил легко и непринуждённо, словно на его душе не было тяжкого груза.

Солнце сменило луну, ночь сменилась рассветом. Морской ветер дул всю ночь. Вэнь Цунцзянь, беспокоясь, что Лян Шу будет нелегко привыкнуть к новой обстановке, не спал, лишь изредка позволяя себе вздремнуть. Вэнь Суй оставался с ним — отец не смог его прогнать и просто позволил ему остаться. Они говорили о разном, то оживленно, то с паузами. Раз уж они начали говорить начистоту, то нужно было развязать все завязанные когда-то узлы.

Вэнь Цунцзянь рассказал Вэнь Сую о том, как тот в детстве хотел заниматься стрельбой из лука. Вначале Лян Шу не выступала категорически против, но Вэнь Суй отличался упорством и всегда добивался желаемого. Разногласия посеяли между ними раздор и незначительный конфликт разгорелся с новой силой. Именно из-за этого испортились отношения Лян Шу и Вэнь Бои. Лян Шу считала, что именно он внушил Вэнь Сую любовь к стрельбе из лука, и считала это пустой тратой времени. Потом Лян Шу, чтобы отвлечь сына, стала записывать его на различные дополнительные занятия, но Вэнь Суй не хотел ходить на них и даже сбегал с уроков. В тот день Лян Шу в гневе сделала то, о чём потом сильно пожалела: она заперла Вэнь Суя в комнате, пытаясь сломить его сопротивление.

— И что я сделал? — с любопытством спросил Вэнь Суй.

— Ты, — Вэнь Цунцзянь посмотрел на него с некоторым восхищением, — просто выпрыгнул из окна второго этажа. — Он указал на свой висок. — Вот здесь поранился. Был весь в крови.

Теперь Вэнь Суй понял, почему травма головы в школе стала той самой последней каплей — наверняка это напомнило Лян Шу о том дне. И также осознал происхождение того старого шрама на голове, который нашел врач в больнице.

— Депрессия у твоей матери проявилась как раз тогда, — сказал Вэнь Цунцзянь. — Врачи говорят, что это не случилось в одночасье. У неё, вероятно, была предрасположенность к этому. — Вэнь Цунцзянь посмотрел на Вэнь Суй. — Именно с того года ты резко изменился. Тебе было всего восемь.

— Вот почему... — пробормотал Вэнь Суй.

Неудивительно, что на фотографиях из альбома юный хозяин тела и он же в более поздние годы выглядели совершенно разными людьми. Позже он стал похож на стоячую воду — в восемь лет его острые углы были стёсаны, оставив лишь покорную оболочку.

\*\*\*

Время на побережье текло медленно. Порой, наблюдая за неторопливо ползающими по песку раками-отшельниками, Вэнь Суй, щурясь от напряжения, с удивлением обнаруживал, что прошло всего десять минут. В то же время, время здесь летело стремительно: восход и закат, смена созвездий на небе — всё происходило будто в мгновение ока.

Вэнь Суй продолжал тренироваться каждый день. На побережье не было тира, поэтому он сосредоточился на физподготовке, поддерживая себя в форме, а также использовал метод визуализации, которому его научил Си Чжоу, представляя, как идеально, одну за другой, выпускает стрелы. Под звуки прибоя входить в нужное состояние было легко. Только оставшись наедине с собой и луком, он мог ненадолго избавиться от нарастающего чувства смятения и растерянности.

После откровенного разговора с Вэнь Цунцзянем поток воспоминаний бывшего владельца тела нахлынул на него с новой силой. Случай в восемь лет, похоже, стал ключом ко всем загадкам. Разрозненные фрагменты, словно части головоломки, начали складываться в единую картину. Память становилась яснее, но вместе с тем Вэнь Суй ощущал всё большую внутреннюю смуту. Воспоминания, всплывающие в его сознании, были настолько живыми, что казались его собственным опытом. Всё то, что раньше было призрачным и неясным, обретало чёткие очертания.

Вэнь Суй подумал, что, вероятно, память прежнего хозяина тела скоро полностью восстановится. Значит ли это, что его собственное время на исходе? Сам не зная почему, Вэнь Суй вдруг вспомнил о человеке, который находился далеко в клубе города Фэн.

\*\*\*

На двенадцатый день их пребывания на побережье наступил канун Нового года. Утром сотрудники отеля украсили двери всех номеров полосами красной бумаги с новогодними пожеланиями и изображениями иероглифа 福 — символа счастья и удачи. Утром Вэнь Суй сопровождал Вэня Цунцзяня и Лян Шу на праздничную ярмарку, днём они смотрели представление, а вечером отправились на новогодний ужин — шведский стол в отеле.

Отель располагался недалеко от берега, и с террасы на втором этаже открывался великолепный вид. Было только начало седьмого, но гости уже начали занимать места в ожидании начала ужина. Говорили, что в семь часов начнётся фейерверк.

— В городе Фэн фейерверки запрещены. Сколько лет я их не видел! Нужно обязательно посмотреть, — сказал Вэнь Цунцзянь Лян Шу.

— Да, — улыбнулась она и посмотрела на Вэнь Суй: — Сяо Суй, позже ты сможешь сам выбрать себе еду. Бери, что захочешь.

Вэнь Суй кивнул:

— Хорошо. Ты тоже поешь как следует.

— Ладно, — улыбка Лян Шу стала теплее.

Они забронировали столик заранее, но он оказался в глубине зала, вдали от ограждения. Отсюда не было видно ни бассейна, ни холла — только тонкая полоска горизонта, где море встречалось с небом. В преддверии Нового года на воде в ряд выстроились рыбацкие лодки с огнями — вероятно, с них будут запускать фейерверк. Однако у этого места было и своё преимущество: они сидели прямо напротив открытой кухни, где готовили на тэппане [1]. Повар в белом колпаке и фартуке ловко орудовал ингредиентами и инструментами, изредка перебрасываясь парой слов с гостями.

[1] Тэппанъяки (яп. 鉄板焼) — стиль приготовления пищи, заключающийся в том, что повар готовит продукты на широкой железной сковороде, тэппане, рядом с обедающими людьми, после чего горячее блюдо сразу попадает в тарелки. Название произошло от слов тэппан (яп. 鉄板, досл. «лист железа») и яки (яп. 焼, досл. «гриль» или «жареный»)

Чуть дальше располагались грили для барбекю, где весело потрескивали дрова, и в ночной воздух поднимался белый дым. Нетерпеливые дети уже толпились рядом, потирая руки в предвкушении первых новогодних шашлычков. Лица всех присутствующих светились радостью. Хотя атмосфера и не могла сравниться с шумными празднествами в столице, с улицами, заполненными людьми, которые помнил Вэнь Суй, но здесь царила своя, умиротворённая атмосфера.

Ровно в семь часов небо раскрасилось яркими огнями фейерверка. Целых полчаса залпы следовали один за другим, рассыпаясь ослепительными цветами. После завершения огненного шоу, праздничный ужин продолжился: кто-то пил, кто-то смеялся и болтал, некоторые отправились в игровые комнаты, а кое-кто даже остался за столами, чтобы сыграть в настольные игры. Вэнь Суй наблюдал за всем, но мысли его витали где-то далеко. Сегодня он переел — съел не только то, что взял сам, но и то, что положила ему Лян Шу. Теперь, под лёгким морским бризом, он просто хотел расслабиться и ни о чём не думать.

Вэнь Цунцзянь и Лян Шу обсуждали планы на следующий год, в основном, куда поехать дальше. И, конечно же, главной темой была учёба Вэнь Суя.

— Сяо Суй, папа переведёт тебя в другую школу в следующем году. Как ты на это смотришь?

Вэнь Суй вздрогнул — он чуть не заснул.

— Другую школу? - Вэнь Суй был только за. В старую он больше не хотел возвращаться, и, если настоящий владелец тела вернётся, ему не придётся там больше мучиться. — Хорошо, — с готовностью согласился он.

— В той школе ужасная атмосфера, она нам не подходит, — сказала Лян Шу, в её голосе всё ещё звучало негодование.

Вэнь Цунцзянь взял жену за руку и, повернувшись к Вэнь Сую, сказал:

— Того парня, который тебя ударил, наказали. Ему уже семнадцать, с точки зрения закона это считается умышленным причинением вреда здоровью. Этот инцидент будет занесён в его личное дело. Пусть теперь расхлёбывает.

Вэнь Суй удивился, услышав от отца такие резкие слова. В его представлении отец всегда был образцом сдержанности и благородства — разве что в больнице он вёл себя необычно, крича на людей. Вэнь Суй не знал, что, когда Лян Шу немного пришла в себя, они с мужем побывали в школе. Классный руководитель сказал, что Вэнь Суй не успевает за программой, на уроках

едва может написать несколько слов, а предыдущие темы помнит смутно. В такой ситуации он порекомендовал взять академический отпуск для лечения, нанять репетитора или перевестись в спецшколу. Услышав про «специализированную школу», Лян Шу устроила учителю скандал.

Однако именно благодаря этому Вэнь Цунцзянь и Лян Шу узнали, что Вэнь Суя в школе постоянно травили и обижали. Он никогда им об этом не рассказывал. Хотя раньше он и не горел желанием идти в школу, но всё же более-менее справлялся с учёбой, и его оценки были неплохими. Из-за характера Вэнь Суя родители не замечали проблем. Если даже учитель считал, что Вэнь Сую место в спецшколе, то каким же чудачком он выглядел в глазах окружающих?

Чтобы добиться справедливости, Вэнь Цунцзянь через знакомых связался с директором школы. Благодаря этому обидчики Вэнь Суя понесли заслуженное наказание. Но, будучи учителем, Вэнь Цунцзянь понимал, что в образовательной сфере все друг друга знают. Сделав это, он фактически сжёг за собой мосты [2] и решил уйти из профессии. Однако обо всём этом супруги Вэнь не рассказали сыну. Они просто хотели, чтобы отныне его жизнь была светлой и безоблачной [3], а путь — лёгким и ровным.

[2] 破釜沉舟 (pò fǔ chén zhōu) — буквально «разбить котлы и потопить лодки». Сжечь все мосты, принять бесповоротное решение.

[3] 柳暗花明 (liǔ àn huā míng) — буквально «ивы тенисты, цветы ярки». Часто используется для выражения надежды на лучшее, веры в то, что даже в самых сложных ситуациях есть выход. Она также может описывать внезапное открытие или озарение. Свет в конце тоннеля.

Вопрос о переводе в другую школу стал самым важным, требующим тщательного обдумывания и взвешенного решения.

— В школе А хорошие условия для обучения и здоровая атмосфера, но туда сложно поступить. Сяо Суй вряд ли пройдёт отбор, — сказал Вэнь Цунцзянь. Школа А была той самой, где он раньше работал. В своё время Вэнь Суй не набрал достаточно баллов на вступительных экзаменах, и даже статус ребёнка преподавателя не помог.

— В школу С поступить легко, но боюсь, она окажется хуже, чем В, — добавила Лян Шу.

Больше всего Вэнь Цунцзянь беспокоило то, что даже если сяо Суй поправится, ему будет трудно набрать баллы, необходимые для поступления в университет. Они выбрали школу В из трёх городских старших школ, надеясь, что Вэнь Суй сможет поддерживать свои оценки на стабильном уровне и немного улучшить их. Школа В считалась чуть лучше, чем С, но, как оказалось, это не помогло.

— Папа, — заговорил Вэнь Суй, прерывая их разговор. — А ты знаешь про льготное поступление?

— Льготное поступление... — Вэнь Цунцзянь хлопнул себя по бедру. — Как же я мог об этом забыть! — Он возбуждённо обратился к Лян Шу: — Сяо Суй так любит стрельбу из лука, а сяо Си говорил, что у него есть талант. Мы можем попробовать устроить его по спортивной квоте! В крайнем случае, это даст ему дополнительные баллы на экзаменах!

Лян Шу просияла:

— Правда?

Похоже, она уже не так негативно относилась к увлечению сына. Вэнь Цунцзянь уверенно кивнул:

— Конечно! Ты должна верить в нашего сына[4]!

[4] 斩钉截铁 (zhǎn dīng jié tiě) — идиома, которая буквально переводится как «рубить гвозди и резать железо». Описывает решительный, твердый и бескомпромиссный характер действий или слов.

Узнав, что Вэнь Суй услышал о спортивной квоте от Си Чжоу, Вэнь Цунцзянь тут же захотел ему позвонить. Си Чжоу наверняка знал об этом больше. Однако, учитывая, что сейчас праздники, и Си Чжоу, скорее всего, проводит время с семьёй, он решил подождать несколько дней. Однако Си Чжоу позвонил первым.

— Дядя, с Новым годом! Тётя и сяо Суй, с Новым годом!

Вэнь Цунцзянь включил громкую связь, Вэнь Суй услышал голос Си Чжоу. Оказывается, голос по телефону, может звучать по-разному. В отличие от того вечера, когда они обменивались голосовыми сообщениями, в голосе Си Чжоу было меньше теплоты и больше вежливости, а также какая-то неуловимая отстранённость. Вэнь Цунцзянь тоже поздравил Си Чжоу с Новым годом и спросил:

— Твой отец рядом? Он вернулся?

— Нет, в этом году он не сможет приехать. Его проект в Африке ещё не завершён. Я праздную с дедушкой. Дедушка! Это дядя Вэнь.

На том конце провода тоже было шумно, но, прислушавшись, Вэнь Суй понял, что звучит телевизор — кто-то пел хором. Он вдруг заметил одну деталь: Вэнь Цунцзянь спросил только про отца Си Чжоу, но не упомянул его мать.

— Цунцзянь, - сказал Янь Миншэн, взяв трубку. - Как ваши дела?

Вэнь Цунцзянь почтительно назвал его «дядей», они обменялись парой вежливых фраз, а затем Янь Миншэн спросил про Вэнь Сую:

— Сяо Суй, как тебе на море?

Вэнь Цунцзянь передал ему трубку:

— Нравится, всё хорошо, - ответил Вэнь Суй.

— Вот и отлично, — закивал Янь Миншэн. — Если вернётесь пораньше, заходите поздравить меня! Дед даст тебе красный конверт.

Вэнь Суй посмотрел на отца, не зная, как вежливо отказаться. Вэнь Цунцзянь, улыбаясь, сказал:

— Дядя, не стоит беспокоиться. Сяо Суй уже взрослый, ему не нужны подарочные деньги.

— Нет-нет, для меня вы все дети! — настаивал Янь Миншэн. — Чжоу-Чжоу ещё старше, а всё равно каждый год берёт красные конверты!

— Дедушка... — слышался смех Си Чжоу на заднем плане.

Этих двух слов было достаточно, чтобы понять, что Янь Миншэн лукавит. Си Чжоу наверняка не брал подарочные деньги, а скорее всего, сам дарил их дедушке, как большому ребёнку. Затем Си Чжоу снова взял трубку. Казалось бы, новогодние поздравления закончились, и было пора прощаться, но он не спешил. Атмосфера была располагающей, и Вэнь Цунцзянь, немного поколебавшись, всё же решил задать вопрос, который его волновал:

— Сяо Си, дядя хотел бы посоветоваться с тобой насчёт льготного поступления. Можешь уделить мне ещё немного времени?

На другом конце провода повисла пауза. Си Чжоу, похоже, отошёл в более тихое место.

— Дядя, тут шумно, я не расслышал. Вы сказали — льготное поступление?

— Да.

— Вы... хотите, чтобы сяо Суй поступил по спортивной квоте?

Вдали от грохота музыки голос Си Чжоу стал чётче и серьёзнее.

— Я хочу узнать, есть ли такая возможность. Мы решили перевести сяо Суя в другую школу, но сейчас у него проблемы с учёбой. Мне кажется, что даже если он вернётся к прежнему уровню, поступить в хороший университет будет сложно. Поэтому я подумал, что лучше сменить стратегию и начать действовать заранее, чтобы потом не было слишком поздно...

— Вэнь Цунцзянь и сам не был уверен в успехе. — Разве для льготного поступления не нужно тренироваться с детства? Сяо Суй уже во втором классе старшей школы. Не слишком ли поздно пытаться поступать по спортивной квоте или получать дополнительные баллы?

Через пару секунд Си Чжоу ответил:

— Вообще-то, да, немного поздновато... А что думает тётя? Она согласна?

Лян Шу подошла ближе к телефону:

— Сяо Чжоу, я не против. — Она посмотрела на мужа и горько усмехнулась. — Честно говоря, раньше мы с мужем считали, что нужно получить образование, несмотря ни на что. Хоть в колледж, но получить диплом. Но после всего, что случилось, я поняла, что если сяо Суй действительно несчастлив в школе и не любит учиться, то можно и не заканчивать старшую школу. Мы сможем его обеспечить. — Её голос задрожал. — Но страшно представить, что будет, если нас не станет... Как он справится один?

По-видимому, накопившееся напряжение дало о себе знать, и Лян Шу расплакалась, прикрывая рот рукой и дрожа от рыданий. К концу фразы она уже не могла говорить.

— Тётя, не расстраивайтесь. Всё как-нибудь устроится, — тихо произнёс Си Чжоу, пытаясь её успокоить. Затем, твёрже, он спросил Вэнь Цунцзяня: — Дядя, вы знаете про спортивную школу Хуайчжун?

— Хуайчжун? Кажется, слышал... Подожди, это же твоя бывшая школа? Спортивная школа в уезде Хуайшоу, провинция Линчжоу? Она довольно известна.

— Да, именно она. Думаю, вам стоит подумать о переводе сяо Суя в эту школу. — Вэнь Цунцзянь и Лян Шу переглянулись. Сердце Вэнь Суя ёкнуло, когда Си Чжоу добавил: — Но решать должен сам сяо Суй. В конце концов, это его будущее.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12809/1130100>